

Без мании величия в режиссуре нечего делать

Культура. — 1999. — 19-25 авг. — с. 8

Кира МУРАТОВА приехала в Москву на несколько дней. Показала свою новую короткометражку "Письма в Америку" в узком кругу, стала участницей дискуссионного клуба "Евразия", организованного Конфедерацией союзов кинематографистов.

Мощи из Одессы?

Когда меня пригласили в Москву для участия в ретроспективе "XX век. Эпизод" с фильмом "Астенический синдром", я подумала: ну вот поеду и привезу картину десятилетней давности, как что-то такое знаменито-архивное, словно мощи, которые достают откуда-то из Одессы. Я рада, что смогла привезти короткометражку "Письма в Америку" и показать, что я живу, дышу и еще хочу снимать, снимать, снимать.

Как-то в Одессе проходили юбилейные торжества, посвященные Довженко. Назначили в связи с этим просмотры. А они не состоялись потому, что ни один человек не пришел. Я даже в одном кинотеатре пригрозила, что если мне не покажут фильм, то я этого так не оставлю. Но это неважно, вернее, не первостепенно, главное — снимать и чтобы хоть кто-то хотел это смотреть. Сейчас или когда-нибудь.

Однажды Алексей Герман сказал мне: "Знаешь, старуха, скоро Одессу переименуют в Муратовку. И будут говорить что-то вроде того, как в Муратовке обкомовцы проворачивались".

В Одессе я живу в силу сложившихся жизненных обстоятельств. Меня туда забросили, вот я и лежу, как камень. Одесса — это провинция, глубокая такая дыра. Я понимаю, что для московской публики я представляю дополнительную прелесть как человек, приезжающий из дыры и привозящий маленький, милый провинциальный фильм. В этом есть свой колорит. Мои "Пись-

ма в Америку" — это не московская история. В Москве интеллектуалы пытаются больше двигаться и что-то делать. В Одессе они сидят, пишут куда-то письма, срывают зло на каких-то эмигрантах, жалуются и ничего не предпринимают, как чеховские существа, которые только стихи сочиняют, пускай и прекрасные, но дальше двинуться не могут.

Мания величия

Режиссер должен сочетать в себе две крайности: манию величия и то, что можно определить как "всяк сверчок, знай свой шесток". Очень важно сопрягать их в своем сознании. Без мании величия — скрываемой или афишируемой — невозможно в режиссуре ничего сделать. Нас очень много, много талантливого вокруг, и, для того чтобы через это пробиться, нужно считать, что ты... Ну понятно. С другой стороны, нужно знать собственные очертания, ниши и границы и втискиваться в них со всей своей манией величия. Все режиссеры это практикуют, пусть и не всегда осознанно.

Нет правды на земле

Наивно утверждать, что кто-то говорит правду в искусстве, а кто-то неправду. Правды вообще нет никакой. Есть мироздание и хаос. Человеческий мозг — нечто законченное, и он не может все постичь, но хочет этого. Искусство, как и религия, дает такого рода утешения. То, что является правдой для обычного уровня сознания, является лакировкой и неправдой для другого. Это даже нельзя назвать правдой или неправдой, это модель, которую ты накладываешь на мир, и она все равно его определенным образом лакирует, и в любом случае она его организует. Правда, если она и есть, — смертельная, мучительная, ужасна. Нам кажется, что мы мудрые и глубокие и способны все узнать до конца. Но дойти до сути того, что есть правда, — значит умереть. Да мы и не хотим узнать ее до конца. Потому и существует в искусстве форма. Искусст-

во — это золотые пилюли, необходимые нам, жажущим все подсластить. Но искусство не вредно для здоровья.

Можно сделать маленькое колечко или брошечку. И то время, пока на нее смотришь, ты можешь пребывать под сильным эмоциональным впечатлением, и она, эта брошка, заслуживает для тебя остальной мир. Вот и вся правда. Другой правды нет.

Дешевое кино

Мне не надо много денег на один фильм. Лучше сделаю на них много фильмов. С самого начала я была приучена к тому, чтобы говорить: "Это же дешевое кино. Что вам стоит дать мне на него немного денег. Даже если я что-то идеологически неверно сниму. Затраты-то для вас небольшие. Можете даже складывать потом мои фильмы в подвал, если считаете, что я кого-то развращаю ими." Человек долгое время это кому-то говорит, и так постепенно в нем самом начинает формироваться определенная эстетика,

смирение. Ты ограничен в своих возможностях и уже не привыкнешь к иному. "Мне не нужны ваши миллиарды. Мне нужно всего чуть-чуть, и я сделаю замечательно". И рождается мания величия. Она извилистая, ветвистая, таинственная, живет где-то внутри тебя. Человек уже и не может снимать на огромные деньги. Он уже сформировался так, что старается сделать все подешевле. Но красивенько, чтобы нравиться хотя бы самому себе. Хотя в идеале я бы хотела нравиться, как Чарли Чаплин, многим, хотела бы быть всеми понята. Особенно теми, у кого есть деньги. Но у меня не получается. Если долго пытаюсь добывать деньги на кино, то теряю вкус к тому, чтобы его сделать. Это свойство чисто биологическое.

Звезда плюс кошка

Я часто снимаю самых разных людей, неактеров. Предпочитаю сочетать актеров с неактерами. Тогда рождаются живые, шероховатые индивидуальности на экране. Одно дело в чужом фильме смотреть на знаменитых артистов, другое дело — в своем. Чужой фильм кончается после просмотра. В своем же ты долго с актерами работаешь, вспоминаешь, сколько ролей они сыграли, и видишь, как они идут по проторенной дорожке. Нуждаюсь в том, чтобы снять звезду с кошкой, ребенком, как-то ее крутануть, чем-то разбавить. Не умею работать с актерами в том плане, как это принято понимать. Пытаюсь вытащить из актера неактера. Мало говорю об общем решении и сверхзадаче, но пытаюсь поставить актера в такое положение, чтобы он проявился сам как неповторимое существо.

В короткометражке "Письма в Америку" я снимала тех, кто был рядом из моих друзей и знакомых, хотел работать без денег и казался мне талантливым. Главную роль исполнил Сергей Четвертков — сценарист, поэт и писатель. Героиня тоже не актриса, а искусствовед. Есть у нас с Сергеем Четвертковым

и новый проект: "Превратности судьбы" — умеренный триллер с привкусом водевиля. Давно ищем на этот фильм деньги, и пока этим занимались, то так истосковались по съемкам, что решили поснимать, предаться этому наркотику. Вот и сделали короткометражку.

Я — зритель и Сергей Попов

Меня спрашивают иногда о том, присутствует ли в моем воображении зритель. Мой ответ таков: зритель ни для кого там не присутствует. Все обратные утверждения — вранье. Вернее, заблуждение. Странно даже слышать заявления о том, что вот режиссер такой-то делает фильм для зрителя. Что он будет референдум собирать? Или кто-то станет голосовать за его картину? Очевидно одно: режиссер воображает себе некоего зрителя, то есть приравнивает его к себе. Так и я приравниваю зрителя к себе.

Спрашивают меня и о том, кто из моих персонажей в наибольшей степени совпадает со мной самой. Психологически я сливаю с собой тот образ, что создал Сергей Попов в фильме "Астенический синдром".

"Княжна Мери"

Между моими картинами "Долгие проводы" и "Познавая белый свет" был закрытый фильм, который дошел только до этапа кинопроб. Это "Княжна Мери" по Лермонтову. На меня тогда очень сильное стилистическое влияние оказал Рустам Хамдамов, находившийся в опале. Он меня познакомил и с Наташей Лебле, снявшейся позднее в моей картине "Перемена участи". Она должна была сыграть княжну Мери. Хамдамов научил меня многому из того, что связано с костюмом. И я стала любить одевать актеров. Странно, что обо всем этом я вдруг заговорила. В Одессе не говорю ни с кем о таких вещах, кроме мужа да еще двух-трех людей.

Записала
Светлана ХОХРЯКОВА



Фото Е. ГАЙКИ